

ЗАПИСКИ ИИМК ДАУ

• 2018 •

ББК 63.4

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2018. № 17. 216 с.

ISSN 2310-6557

Transactions of the Institute for the History of Material Culture. St. Petersburg: IHMC RAS, 2018.
No. 17. 216 p.

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (главный редактор), В. А. Алёшкин, С. В. Белецкий, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Л. Б. Вишняцкий, М. Т. Кашуба, Л. Б. Кирчо (заместитель гл. редактора), А. К. Очередной, а также А. А. Бессуднов, С. А. Васильев, М. Н. Желтова, К. Н. Степанова

Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), V. A. Alekshin, S. V. Beletsky, M. Yu. Vachtina, Yu. A. Vinogradov, L. B. Vishnyatsky, M. T. Kashuba, L. B. Kircho (deputy editor), A. K. Otcherednoi and A. A. Bessudnov, S. A. Vasiliev, M. N. Zheltova, K. N. Stepanova

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, В. Я. Стёганцева

Publishing group: L. B. Kircho, V. Ya. Stegantseva

В № 17 «Записок ИИМК РАН» публикуются научные исследования в области изучения древнекаменного века Восточной Европы, представленные на Международной научной конференции «Плейстоцен и палеолит Русской равнины: развитие идей комплексного подхода», посвященной 80-летию со дня рождения выдающегося исследователя палеолита Н. Д. Праслова.

Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музейщикам, студентам исторических факультетов вузов.

The 17th issue of the «Transactions of IHMC RAS» features papers focused on the Old Stone Age of East Europe, which were presented at the International scholarly conference «The Pleistocene and Paleolithic of the Russian Plain: the development of complex approach» dedicated to the 80th birth anniversary of N. D. Praslov.

The volume is intended for archaeologists, culturologists, historians, museum workers, and students of historical faculties.

ISSN 2310-6557

© Институт истории материальной культуры РАН, 2018
© Авторы статей, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Николай Дмитриевич Праслов: ученый и человек

- С. А. Васильев, М. Н. Желтова.* «Плейстоцен и палеолит Русской равнины: развитие идей комплексного подхода». Международная конференция, посвященная 80-летию со дня рождения Н. Д. Праслова 9
- А. А. Синицын.* Н. Д. Праслов и формирование модели культурно-хронологической дифференциации палеолита Костёнок. 12
- А. Н. Бессуднов.* О роли Н. Д. Праслова в становлении липецкой археологии 21
- И. В. Котлярова.* Николай Дмитриевич Праслов – учитель и наставник 25
- М. В. Константинов, Т. А. Константинова.* Штрихи к биографии первооткрывателя древнего поселения Костёнки ученого Ивана Полякова 31

Новые исследования палеолита в Костёнках

- М. Н. Желтова, Н. Е. Зарецкая.* Новые данные по хроностратиграфии Костёнок 1, слой I 37
- А. Е. Дудин.* Планиграфия третьего комплекса культурного слоя Ia стоянки Костёнки 11 45
- С. Н. Лисицын.* Находки артефактов стрелецкого культурного облика на стоянке Борщёво 5 в Костёнковско-Борщёвском палеолитическом районе на Дону 55
- А. А. Бессуднов.* Предварительные результаты спасательных археологических работ на стоянке Костёнки 21 (Гмелинская) в 2013–2016 гг. 62

Древний каменный век Русской равнины

- А. К. Очередной, Е. В. Воскресенская, К. Н. Степанова, Л. Б. Вишняцкий, П. Е. Нехорошев, А. В. Ларионова, Н. Е. Зарецкая, Е. К. Блохин, А. В. Колесник.* Комплексные геoarхеологические исследования среднепалеолитических памятников Русской равнины 74
- С. Ю. Лев.* Новые памятники палеолита в Зарайске 84
- Г. А. Хлопачев.* Опыт реконструкции плана и некоторые особенности структуры Юдиновского верхнепалеолитического поселения 97
- Н. Б. Ахметгалеева, Н. Д. Бурова.* Новые горизонты исследований на многослойной стоянке Быки-7 в Курской области 107
- Н. Б. Леонова, Е. А. Виноградова.* Основной культурный слой Каменной Балки II: новые данные по материалам раскопок 2014–2017 гг. 117
- А. В. Ларионова, К. Н. Степанова.* Контекст обнаружения отбойников на среднепалеолитической стоянке Кетросы, комплекс 1, основной слой 126
- А. В. Колесник.* Памятники «восточномикокского типа» Донбасса и Северо-Восточного Приазовья 141

Открытия в Крыму и на Кавказе

- В. Е. Щелинский.* Раскопки раннеплейстоценовой стоянки Кермек в Южном Приазовье в 2017 г. 151
- С. А. Кулаков.* Крупные рубящие орудия в индустрии раннепалеолитической стоянки Богатыри/Синяя Балка 165
- К. Н. Гаврилов, М. Г. Жилин.* Местонахождения каменного века Керченского полуострова: предварительные результаты рекогносцировок 2016–2017 гг. 171

Краски и украшения в палеолите

- С. А. Демещенко.* Образцы минеральных пигментов и окрашенные предметы из Костёнок в собрании Государственного Эрмитажа 181
- В. С. Житенёв.* Следы практик совместного использования краски и глины в Каповой пещере: предварительное сообщение 188
- Г. В. Синицына, И. А. Григорьева, Е. Ю. Медникова.* Гравировка на гальке (по материалам стоянки каменного века Ланино I/8 в Тверской области) 195

Методы фиксации в полевых исследованиях

- Е. М. Колпаков.* Электронные технологии в полевых исследованиях (Кольский камеральный комплекс) 208
- Список сокращений 213

CONTENTS

RESEARCH PAPERS

Nikolai Dmitrievich Praslov as a scholar and a person

- S. A. Vasiliev, M. N. Zheltova.* «The Pleistocene and Paleolithic of the Russian Plain: the development of complex approach». International conference dedicated to the 80th birth anniversary of N. D. Praslov. 9
- A. A. Sinitsyn.* N. D. Praslov and the formation of the model of cultural and chronological differentiation of the Paleolithic of Kostenki 12
- A. N. Bessudnov.* N. D. Praslov's role in the making of archaeology at Lipetsk. 21
- I. V. Kotlyarova.* Nikolai Dmitrievich Praslov — the teacher and the tutor 25
- M. V. Konstantinov, T. A. Konstantinova.* A few strokes to the biography of Ivan Polyakov — the discoverer of the ancient site of Kostenki 31

New research on the Paleolithic of Kostenki

- M. N. Zheltova, N. E. Zaretskaya.* New data on the chronostratigraphy of Kostenki 1, layer I 37
- A. E. Dudin.* Planigraphy of the third complex of cultural layer Ia of Kostenki 11 45
- S. N. Lisitsyn.* Finds of the Streletsian-type artifacts from the site of Borshchevo 5 in the Kostenki-Borshchevo area on the Don. 55
- A. A. Bessudnov.* Preliminary results of salvation works at the site of Kostenki 21 (Gmelin site) in 2013–2016. 62

The Old Stone Age of the Russian Plain

- A. K. Otcherednoi, E. V. Voskresenskaya, K. N. Stepanova, L. B. Vishnyatsky, P. E. Nekhoroshev, A. V. Larionova, N. E. Zaretskaya, E. K. Blokhin, A. V. Kolesnik.* Complex geoarchaeological studies of the Middle Paleolithic sites in the Russian Plain 74
- S. Yu. Lev.* New palaeolithic sites in Zaraysk. 84
- G. A. Khlopachev.* A reconstruction of the plan and some structural peculiarities of the Upper Paleolithic settlement of Yudinovo 97
- N. B. Akhmetgaleeva, N. D. Burova.* New horizons of research at the multilayered site of Byki in the Kursk oblast 107
- N. B. Leonova, E. A. Vinogradova.* The main cultural layer of Kamennaya Balka II: new data and materials obtained in 2014–2017 117
- A. V. Larionova, K. N. Stepanova.* Hammerstones from the Middle Paleolithic sites of Ketrosy and their context, complex 1, main cultural layer 126
- A. V. Kolesnik.* «Eastern Micoquian type» sites in Donbas and the Northeastern Azov Sea region 141

Discoveries in Crimea and the Caucasus

<i>V. E. Shchelinsky</i> . Excavations of the Early Pleistocene site of Kermek in the South Azov Sea littoral zone in 2017	151
<i>S. A. Kulakov</i> . Large cutting tools in the industry of the Early Paleolithic site Bogatyri/Sinyaya Balka	165
<i>K. N. Gavrilov, M. G. Zhilin</i> . Stone Age surface occurrences on the Kerch peninsula: preliminary results of the 2016–2017 reconnaissance works.	171

Paints and ornaments in the Paleolithic

<i>S. A. Demeshchenko</i> . Mineral pigment specimens and painted objects from Kostenki in the collection of the State Hermitage	181
<i>V. S. Zhitenev</i> . Practices of combined use of paint and clay at Kapova Cave: a preliminary report	188
<i>G. V. Sinitsyna, I. A. Grigorieva, E. Yu. Mednikova</i> . Engraved pebble from the Stone Age site of Lanino I/8, Tver oblast	195

Methods of recording in field research

<i>E. M. Kolpakov</i> . Electronic technologies in field research (Kola Expedition methods of field data analysis)	208
--	-----

List of abbreviations	213
---------------------------------	-----

НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВИЧ ПРАСЛОВ — УЧИТЕЛЬ И НАСТАВНИК

И. В. КОТЛЯРОВА¹

Ключевые слова: *Н. Д. Праслов, Костёнки.*

Статья представляет собой воспоминания автора о Н. Д. Праслове, относящиеся ко второй половине 1980-х — началу 1990-х гг. Влияние Н. Д. Праслова определило профессиональные интересы автора, с 1986 г. и по настоящее время работающего научным сотрудником Государственного археологического музея-заповедника «Костёнки». В воспоминаниях сделан акцент на личных качествах Н. Д. Праслова: его беззаветной преданности археологии, организационном таланте, дружелюбии, высоких моральных установках. Особо подчеркивается его редкий учительский дар, который помогал молодым членам экспедиции сформироваться не только как хорошим специалистам, но и оказывал большое влияние на формирование их личности. Воспоминания пронизаны глубокой благодарностью автора Н. Д. Праслову за ту роль, которую он сыграл в ее жизни.

DOI: 10.31600/2310-6557-2018-17-25-30

Время является лучшим фильтром: оно отсеивает незначительные события в наших воспоминаниях, в памяти остается только самое важное и существенное. Неслучайно конференция, посвященная памяти Николая Дмитриевича Праслова, проходила спустя почти десять лет после его ухода, когда все текущее и преходящее осталось в прошлом. Портрет ученого от этого выглядит только ярче — стал хорошо виден масштаб его незаурядной личности. Я благодарна организаторам сборника за предоставленную мне возможность сказать несколько слов о человеке, который оказал огромное влияние на ход моей жизни, определив мои профессиональные интересы.

В 1985 г. я, студентка 3-го курса исторического факультета Воронежского университета, после раскопок курганов эпохи бронзы у своего научного руководителя Ю. П. Матвеева приехала в Костёнковскую экспедицию. Был уже конец полевого сезона, 27-е августа. Меня в Костёнках ждали в начале августа, но удалось выбраться из предыдущей экспедиции, где я больше работала на кухне, чем в поле, только к концу месяца. Я не уведомила Н. Д. Праслова ни о том, что задерживаюсь, ни о том, что вообще еще собираюсь приехать. Такое неслыханное разгильдяйство не могло создать благоприятного впечатления обо мне у Николая Дмитриевича, известного своей пунктуальностью и обязательностью, и, судя по всему, у него заочно сложилось обо мне не очень лестное представление. К моему приезду в экспедиции меня уже не ждали. В Костёнки я приехала утренним автобусом и оказалась в лагере еще до возвращения археологов на обед. От повара экспедиции Людмилы Ильичны я узнала, что никаких распоряжений насчет еще одного человека к обеду к ней не поступало, и как со мной быть — ей неизвестно. Мне стало немного не по себе от такого «гостеприимства», но про себя решила, что сама виновата — никому ведь ничего не сказала о своем прибытии. К обеду стали подтягиваться сотрудники экспедиции, как обычно, с интересом оглядываясь на прибывшего новичка. Наконец, самым последним пришел Николай Дмитриевич. Невысокого роста, энергичный, с засученными рукавами клетчатой рубашки. Он увидел мой рюкзак, стоявший у стола, резко изменил направление движения и подошел ко мне, чтобы поздороваться. Он широко улыбнулся на мое приветствие и протянул руку. От этой обезоруживающей улыбки у меня немного отлегло от сердца, но, как оказалось, рано.

¹ Государственный археологический музей-заповедник «Костёнки», г. Воронеж, 394026, Россия.

Узнав мое имя, он вдруг как-то сразу весь насупился и ощетинился, голос его из мягкого и приветливого превратился во властный и твердый: «Мы Вас ждали в начале августа, когда у нас было очень много работы для Вас. Сейчас работа на слое подходит к концу и, собственно, пока Вы чему-нибудь научитесь, экспедиция вообще завершится и пользы от Вашего пребывания здесь будет мало и для Вас, и для экспедиции. Почему Вы нам не сообщили, что задерживаетесь на целый месяц? Мы могли бы рассчитывать на кого-нибудь другого». Сердце у меня сжалось. Мне тогда показалось, что если я сейчас отсюда уеду, то это будет неправильно, произойдет какая-то катастрофа. Но ответила я очень безразлично, что была в другой экспедиции, меня не отпускал мой научный руководитель, и, если мой приезд нестати, то я тут же уеду — благо дом находится рядом. Это внешнее мое безразличие для меня самой было странным, поскольку чувствовала я в этот момент, что решается моя судьба. Мне было очень страшно, что он ответит: «Вот и хорошо, будьте любезны, уезжайте!». Но Николай Дмитриевич мотнул головой, посмотрел на меня испытующе исподлобья, улыбнулся и позволил мне остаться, определив в палатку рядом со столовой.

Надо сказать, что попала я в Костёнки накануне большого экспедиционного праздника — дня рождения постоянного члена экспедиции Марины Ивановой, который отмечался 28 августа. Август — это традиционно важный и праздничный для археологов месяц, но в Костёнках он праздничный тройне: 12 августа — день рождения А. А. Сеницына, 15–16 — день археолога, 28 — день рождения Марины и А. Н. Рогачёва (которого в 1985 г. уже не было в живых). Праздничная обстановка чувствовалась во всем: в ярких гроздьях калины, развешанных над общим обеденным столом, в чрезмерной суете вокруг кухни, в приподнятом и несколько возбужденном состоянии всех членов экспедиции — от простого студента до самого руководителя. Еще не разъехались именитые и известные гости экспедиции, и археологическое лето 1985 г. находилось в своем апогее. Чтобы праздник оказался для меня, новичка, запоминающимся (а может быть, и в качестве «штрафной»), в тот памятный день 28 августа меня определили на кухню под крыло к незабвенной Людмиле Ильиничне, очень уважаемой самим Николаем Дмитриевичем. Много видевшая на своем веку, бывший геолог, Людмила Ильинична имела всегда на все свою точку зрения, для нее практически не было авторитетов, и иногда она позволяла себе делать замечания самому начальнику экспедиции. Она была грозой всех девушек экспедиции, дежуривших по очереди на кухне и пуше огня боявшихся попасться ей «на язык». На такой «наряд вне очереди» я покорно согласилась, подумав, что, видимо, это моя участь — все время быть при экспедиционной кухне. Позже, когда праздник закончился, Н. Д. Праслов мне сказал, что пребывание на кухне в праздник было первым моим боевым крещением.

На следующий день я отправилась на раскоп, где меня отдали под руководство Михаила Васильевича Аниковича (что, я полагаю, тоже рассматривалось как боевое крещение, но еще более серьезное). Моя несостоятельность как археолога-палеолитчика тут же стала всем видна: я не умела правильно держать нож, работать кистью и справедливо раздражала буквально всем своего непосредственного начальника. Через пару часов работы он от меня попросту избавился, и я снова оказалась не у дел. Следующим испытанием была промывка слоя в ледяной воде Костёнковского ручья. На этой работе я провела дней пять. И только после недели моего пребывания в Костёнках меня, наконец-таки, определили на первый культурный слой Костёнок 1 и не куда-нибудь, а рядом с самой Мариной Ивановой, которая взяла меня на поруки и постепенно, спокойно и ненавязчиво обучила меня всем тонкостям

полевой, а затем и камеральной работы. Жизнь моя в экспедиции стала налаживаться, и мечта работать в Костёнках стала облекаться плотью и кровью.

Вся эта история показывает недожиданный педагогический талант Николая Дмитриевича. Я необыкновенно благодарна ему за это, и сейчас сама в работе с молодыми начинающими сотрудниками использую те же самые традиционные методы воспитания, которые когда-то так правильно использовал Н. Д. Праслов в отношении меня и других начинающих сотрудников экспедиции.

Первое мое ощущение от встречи с Костёнковской экспедицией было ошеломляющим: это было явление совсем иного порядка, чем то, с чем мне приходилось встречаться раньше (да и позже тоже). Находящаяся в одном из самых красивых мест Костёнок обустроенная территория экспедиционной базы, наличие машины, стационарное камеральное помещение, домики для постоянных членов и гостей экспедиции — очень многое из этого было сделано под руководством Николая Дмитриевича. Но еще большая его заслуга состояла в создании отлаженного и безупречного механизма работы экспедиции, очень хорошо скоординированного, когда личные и общие интересы находились в гармоничном единстве. Иногда вторые превалировали, что, конечно же, верно, иначе единство было бы не удержать. Особенно хорошо коллективный дух экспедиции ощущался во время праздничных застолий, где Николай Дмитриевич выступал, как правило, в роли тамады и организатора.

В «прасловскую» экспедицию матери могли совершенно спокойно отправлять своих детей (в особенности дочерей), потому что Николай Дмитриевич, сам имея дочь, с большой ответственностью относился к попавшим под его опеку молодым людям: он не только обучал их премудростям археологической работы на слое, но и следил за их поведением и моральным обликом. Все должны были выходить к столу одетыми, ходить по деревне в приличном виде, возвращаться в лагерь до 11 часов вечера и ложиться спать не позже 11. Конечно, исключения были, но порядок в лагере был идеальным.

Н. Д. Праслов всегда относился с огромным уважением к своим предшественникам, и особенно к А. Н. Рогачёву и П. И. Борисковскому, учеником которого он был. С искренним уважением и интересом он встречал и молодых людей, приезжавших в экспедицию, обращался к ним всегда на «Вы» и только после долгого знакомства иногда переходил на «ты». Обремененный огромным количеством организационной и научной работы в экспедиции, Николай Дмитриевич всегда находил время для того, чтобы обучать молодых людей работе на слое. Всегда с нетерпением и одновременно с робостью я ждала момента, когда он подойдет наконец к раскапываемому мной объекту и спросит, что же я вижу во всем этом. Как правило, видела я немного, но уже на следующий год моего пребывания в Костёнках мне поручили одну из ям I слоя. Чуть позже в одной из таких ямочек я нашла женскую статуэтку. Помню свою едва скрываемую гордость за его похвалу моему терпению и настойчивости в необходимости продолжении раскопок этой ямки, когда он сам уже в этом сомневался.

Мы, тогдашняя молодежь, к Н. Д. Праслову относились с огромным уважением. У меня никогда не было даже внутреннего сопротивления его словам и поступкам. Поэтому, когда Н. Д. Праслов предложил мне летом 1986 г. пойти на работу в Костёнковский музей, то я, студентка 4-го курса дневного отделения ВГУ, согласилась. Сделала я это после некоторых размышлений — трудно бросать вот так сразу в двадцать лет веселую студенческую жизнь и друзей-сокурсников. Николай Дмитриевич меня с ответом не торопил, даже дал мне некоторое время на побывку дома для разговора с родителями, что для него в летнее экспедиционное время было безбожным расточительством. Согласие родителей он считал необходимым

условием моего устройства на работу в музей и, если бы такового согласия не было, он и не стал бы настаивать на этом решении. Сейчас я удивляюсь, почему мой отец благословил меня идти этим путем: тогда музей в Костёнках был всего лишь филиалом Воронежского краеведческого музея, в нем работало два сотрудника, сам музей находился в деревне, и какую-либо перспективу для моего развития, не говоря уже о карьерном росте, трудно было отыскать. В очередной раз я убеждаюсь в редкой интуиции своего отца и прозорливости Николая Дмитриевича и безмерно им обоим благодарна за это. Помню, что тогда Н. Д. Праслов сказал, что его опыт общения с людьми говорит ему, что работа в музее, где сочетается наука и постоянное общение с посетителями, это как раз работа для меня, и что Ленинград и экспедиция от меня никуда не уйдут, если я буду работать в Костёнковском музее. Тогда мне так не казалось: я думала, что меня просто снова отправляют в «наряд вне очереди». Но как только я стала работать в музее, то поняла, насколько Николай Дмитриевич был прав насчет меня, и все сомнения в правильности выбранного мною пути отпали.

Вскоре Николай Дмитриевич Праслов и Ирина Евгеньевна Кузьмина выхлопотали для меня стажировку в Зоологическом институте в Ленинграде по консервации кости, которую я прошла весной 1987 г. В первой половине дня я работала в Зоологическом институте, а с ударом пушки Петропавловской крепости в полдень собирала свои вещи и шла в библиотеку Института археологии для подготовки своей курсовой работы. Такое мое расписание также было «утверждено» Николаем Дмитриевичем. Именно тогда, сидя в библиотеке Института и больше глядя на сияющий в мартовском небе шпиль Петропавловской крепости, чем в статьи по верхнепалеолитическим жилищам, я полностью утвердилась в мысли, что археология меня интересует лишь в прикладном значении — ровно настолько, насколько это нужно для музейной работы. В том году за мою курсовую Николай Дмитриевич поставил мне оценку 5 с минусом, укорив меня за сырой ее вид. Меня он никогда не хвалил много. Больше журил. Если хвалил, то тут же указывал и на недостатки. Как сейчас я понимаю, для моего отнюдь не смиренного нрава это было благотворным лекарством.

Потом была самая запоминающаяся экспедиция 1987 г., когда первая половина дня у меня проходила в музее, где я проводила иногда по четыре экскурсии для многочисленных туристов со всего Советского Союза, потом шла в лагерь на обед, затем отправлялась на раскоп, где занималась своей любимой ямкой I культурного слоя. Из-за того, что время пребывания на раскопе у меня теперь резко сократилось, исследование моего участка немного отставало от общего хода работ, но Николай Дмитриевич хотя и досадовал на это, сильно меня не торопил и не привлекал кого-то еще на мой участок работы. Теперь он уже обращался со мной больше как с коллегой, а не как с ученицей. Тогда по его инициативе в музей были переданы кости мамонта из землянки, раскапываемой Андреем Александровичем Синицыным. Эти кости были мною законсервированы с помощью клея ПВА. До сих пор эти кости являются главными экспонатами музея в разделе «Фауна ледникового периода», не считая мамонта Степана, появившегося в 2010 г.

К музею Н. Д. Праслов по традиции, идущей от А. Н. Рогачёва, относился с большим вниманием. Однако он понимал, что между музеем и академической наукой нельзя ставить знака равенства, что у них разные методы и цели работы, хотя они и находятся в одной связке и постоянном контакте друг с другом. Я думаю, это он для себя уяснил еще во время работы в Таганрогском краеведческом музее. Поэтому у него не было никакого навязывания своей точки зрения на то, как и что надо делать в музее. Как я сейчас понимаю, Николай Дмитриевич хотел, чтобы у меня в результате работы и в экспедиции, и в музее вызрел са-

мостоятельный взгляд на этот предмет. В некоторых вещах при этом он меня направлял и подталкивал. Учитель он был превосходный: мудрый и тактичный.

Иногда ему приходилось принимать и самостоятельные волевые решения, связанные с музеем. В августе 1987 г. мы ждали приезда в экспедицию американских корреспондентов и старались изо всех сил, чтобы показать все с лучшей стороны. В музее в законсервированном раскопе по всей его площади тогда оставалось множество ям от крепления столбов, которые когда-то держали первую музейную деревянную конструкцию над раскопанной стоянкой. Это очень сильно портило внешний вид представляемого памятника. Николай Дмитриевич спрашивал разрешения для засыпки этих ям у заведующего Костёнковским музеем и моего непосредственного начальника Д. А. Волкова, но ответа от него вовремя так и не получил. Тогда, уже практически накануне приезда американцев в Костёнки, Н. Д. Праслов принял решение сделать это без запаздывающего разрешения заведующего. Была оставлена не засыпанной только одна ямка, где очень хорошо виден нижележащий II культурный слой. Общий вид законсервированного раскопа от этого решения только выиграл: теперь ямы уже не привлекали излишнего внимания посетителей.

Отношения Н. Д. Праслова и Д. А. Волкова в то время были очень натянутыми, что и немудрено: это были люди совершенно разных взглядов на жизнь и совершенно разного уровня ответственности за совершаемое дело. Впоследствии эти отношения вылились в открытый конфликт и противостояние между ними, что сделало меня в определенной мере заложницей ситуации: трудно найти компромисс, когда твой научный руководитель и непосредственный начальник не могут конструктивно общаться друг с другом. Последней моей полноценной экспедицией под руководством Николая Дмитриевича стал сезон 1989 г. Эта экспедиция завершала эпоху Н. Д. Праслова в Костёнках, продолжавшуюся почти 20 лет и, по моему скромному мнению, до сих пор являющуюся образцом экспедиционной работы.

В 1991 г. во многом благодаря усилиям и хлопотам Д. А. Волкова и общей политической ситуации, характеризовавшейся всяческими отделениями и обособлениями, филиал Воронежского областного краеведческого музея «Костёнки» был преобразован в самостоятельную организацию — Государственный археологический музей-заповедник «Костёнки». Количество сотрудников музея увеличилось сразу с двух до восьми человек, но только трое из них имели опыт работы в Костёнках: Д. Волков, А. Дудин и я. Николаю Дмитриевичу это очень не нравилось. Если до этого было правилом приходить в Костёнковский музей из экспедиции, то теперь это правило перестало действовать. Ювелирная огранка, которой подвергался каждый будущий работник Костёнковского музея в экспедиции, уступила место доморощенному взгляду на археологию и палеолит. Вновь пришедшие люди были настроены к экспедиции и ее руководителю как к чему-то чужому и непонятному, либо были полностью безразличны к своей работе. Николаю Дмитриевичу было очень больно это наблюдать, поскольку рушилась система, создателем которой был, в том числе, и он. Противостоять этому, учитывая общую изменившуюся ситуацию, он был бессилён. Водоворот новой жизни, такой не похожей на прежнюю, захватил все и вся, включая и саму экспедицию. С конца 1990-х гг. Николай Дмитриевич стал бывать в экспедиции в качестве гостя все реже и реже. Он ушел из жизни в июне, в юбилейный для Костёнок 2009 г., когда мы все отмечали 130 лет со дня открытия здесь первой стоянки и готовили выставку, посвященную истории археологических исследований в регионе.

Осенью 2016 г. музей-заповедник «Костёнки» принимал многочисленных гостей международной научно-практической конференции «Естественно-научные методы в изучении

и сохранении памятников Костёнковско-Борщёвского археологического района». Во время одного из заседаний этой конференции мы с Марией Николаевной Желтовой (Прасловой) решили в год 80-летия со дня рождения Николая Дмитриевича почтить его память выставкой в Костёнковском музее. Весной 2017 г. мы вернулись к этой идее и стали плотно над ней работать. Мария Николаевна предоставила материалы к выставке (фотографии и личные вещи Н. Д. Праслова), а я занималась ее оформлением. Уже на стадии создания проекта стало понятно, насколько эта выставка была своевременна и ожидаема публикой. Людям очень интересно не только узнавать о древнейшем прошлом человечества, но их интересуют также и методы археологических исследований, и сами исследователи древних памятников. Эта выставка была ожидаема и средствами массовой информации, которые уже были наслышаны об ее открытии и готовились к его освещению. Но более всего эта выставка была ожидаема и приветствовалась самими исследователями, которые знали Н. Д. Праслова или слышали о нем: ни одно сообщение на музейной странице в Facebook не набирало такого большого количества отметок «нравится», как сообщение о предстоящей выставке «Н. Д. Праслов. Костёнки и вся жизнь».

Конечно, мы не претендовали на полный охват всей его чрезвычайно наполненной событиями жизни в небольшой музейной выставке, но стремились отразить в ней самые характерные черты этого человека: его дружелюбие и лидерские качества, его бесконечную преданность делу, которому он служил, его любовь к семье и близким людям. И, на мой взгляд, наши посетители это правильно поняли и оценили: у выставочных витрин с личными вещами и фотографиями Николая Дмитриевича в экспозиционном зале музея люди задерживались подолгу. Да и невозможно было равнодушно пройти мимо портрета человека с фантастически открытой улыбкой и чрезвычайно умным и целеустремленным взглядом. Сочетание, которое, к сожалению, характерно для очень немногих.

Время является самым лучшим фильтром: оно отсеивает события в наших воспоминаниях, в памяти остается только самое важное и существенное. Это существенное остается с нами навсегда.

NIKOLAI DMITRIEVICH PRASLOV — THE TEACHER AND THE TUTOR

I. V. KOTLYAROVA

Keywords: *N. D. Praslov, Kostenki.*

The paper presents the author's memories of N. D. Praslov, relating to the second half of the 1980's and the early 1990's. The professional interests of the author, who since 1986 has worked at the State Archaeological Museum-Reserve «Kostenki», were being formed under N. D. Praslov's influence. The memories make an emphasis on the personal qualities of N. D. Praslov, such as his commitment to archaeology, organizational talent, amiability, high moral principles. Worthy of particular note is his teaching talent, which played an important role in the professional and human formation of young participants of the Kostenki expedition. The memories are filled with deep gratitude for the role N. D. Praslov had played in the author's life.